

Саломэя Арешян

Юрий Веселовский и армянская литература

Литературоведческая традиция уделила исключительно много внимания вопросам взаимоотношений литературы русской с литературами западно-европейскими. Больше изучалось влияние последних на русскую литературу и совершенно недостаточно влияние русской литературы на западно-европейскую культуру и литературу. Вопросы же взаимовлияний русской литературы с литературами близких ей народов Закавказья, Кавказа или Средней Азии почти не занимались. По данному вопросу не существует какой либо значительной монографии или исследования. Небольшие этюды на эту тему трактуют только об отдельных писателях. Естественно, что изучение данных проблем является актуальностью сегодняшнего дня. Предпринятая нами работа о „Русско-армянских литературных отношениях XIX и XX веков“ является попыткой осмыслить единый процесс развития этих двух столь близких и взаимосвязанных литератур. Однако, выполнение данной темы потребует несомненно очень продолжительного времени и возможно только на основании целого ряда предварительных исследований. Из этих исследований мы предлагаем вниманию читателей работу о Ю. Веселовском—одном из первых популяризаторов армянской литературы в России.

Глава I

Литературная работа Ю. Веселовского протекала в дни особенно острых национальных противоречий. Тем ценнее его стремление превратить литературную трибуну в средство интернационального воспитания. Поучительна и жизнь его, до сих пор не нашедшая должного освещения в истории нашей литературоведческой мысли.

Юрий Веселовский родился в Москве 6 июня 1872 года.¹ В 1886 году он поступил в V класс гимназии при Лазаревском институте.

¹ Юрий Алексеевич Веселовский, последний представитель семьи Веселовских, оставившей значительный след в литературной науке. Отец его, Алексей Николаевич, был профессором Московского университета, талантливым исследователем всеобщей литературы, автором многочисленных статей и отдельных изданий. Дядя Юрия Алексеевича, брат отца, Александр Николаевич Веселовский, академик, широко известен своими трудами в области филологии. Мать, Александра Адольфовна, была переводчицей, очень эрудированным в литературе человеком.

В гимназии Юрий Веселовский особенно увлекался гуманитарными науками и был равнодушен к математическим предметам. Гимназическая среда, в которой он оказался, живо интересовалась проблемами арменистики. Дружественные связи с учащимися-армянами натолкнули его на изучение армянского языка. В качестве вольнослушателя он посещал уроки армянского языка у Смбат Шах-Азиза. При помощи одноклассников он очень скоро освоил армянскую азбуку и стал читать. Еще не вполне уверенно, но настойчиво рука его выводила армянские буквы, и свою фамилию он шутливо подписывал *Յւրիոս Արշակունց*. Первое знакомство Ю. Веселовского с армянской литературой и историей произошло при посредстве переводов М. Эмина и К. Патканяна.

В письмах 1887 года к М. Берберяну—однокласснику и другу—он делился своими мыслями о будущем Армении.

Эти письма по-детски наивны, но очень интересно в них неослабевающее внимание к Армении.

Свою литературную деятельность Юрий Веселовский начал, как поэт. Восторженный юноша первые стихотворные опыты посвящает далекой стране, увлеченный ее историческим прошлым, мечтая о ее будущем. Летом 1887 года Ю. Веселовский отдыхал вместе с родителями в Петровском по Ряжско-Вяземской жел. дороге. В Москву он привез с собой десять стихотворений, посвященных армянам и Армении: „За родину“, „Старый армянин к маленькому сыну“, „Ночь на Араксе“, „Песнь узника“, „Левон VI“, „Ночь на Ванском озере“, „Ты знаешь край“, „Утренняя песнь монаха“, „Европейцы армянам“, „Зейтунская военная песня“.

По возвращении в Москву Ю. Веселовский сразу окунулся в животрепещущие интересы лазаревцев. В этот год внимание V класса было поглощено изданием рукописного историко-литературного журнала «Պրճ» („Дело“). В первом номере журнала «Պրճ» за 1887 г. редакционная статья определяла направление и задачи журнала. Журнал должен был способствовать изучению учащимися армянского языка, должен был служить общению двух культур—армянской и русской. На страницах этого журнала суждено было Юрию Веселовскому начать свою литературную деятельность.

Гимназические стихи Ю. Веселовского отличаются подражательностью и художественной ценности не представляют. Важно их настроение; в этом настроении чувствуется любовь и уважение Юрия Веселовского к Армении и армянскому народу. Армения рисуется Веселовскому страной замечательной природы, он мечтает об Араксе и синах Масиса, вместе с тем,—это для него страна героического прошлого. Юноша высказывает надежду увидеть эту страну:

„Увижу-ль я когда тебя, о край блаженный?
Я о тебе всегда на севере мечтал,

Когда истории страницы вдохновенной,
Оставив шумный свет, задумчиво читал".¹

В этих ранних стихах очень сильны патриотические мотивы. Воскрешая образы героического прошлого, Юрий Веселовский посвящает вдохновенные строки Вардану Мамиконяну, в годовщину битвы 451 года он пишет стихотворение „Ночь на Аварайрских полях“. Не ограничиваясь поэзией, Юрий Веселовский создает на страницах того-же школьного журнала «Գործ» драматический опыт в стиле античной трагедии; это небольшая картина „На развалинах“. На развалины древнего армянского замка, в ночь годовщины окончательного падения армянского царства, приходит путник. Среди этих развалин он засыпает, и ему являются во сне Гайк, рассказывающий о своей победе над Бэлом, Арташес I и Вардан Мамиконян. Героям отвечает хор. Стремление посетить и воспеть Армению звучит и в стихотворении „В Армении“ (Песнь старика).

Юношей Веселовский любил подчеркивать, что, не будучи армянином, он любит Армению и ее историческое прошлое. Это особенно ярко выступает в его стихотворении „К армянам“.

В 1889 г. Юрий Веселовский едет, вместе с родителями, за границу, где посещает монастырь мхитаристов.

„Царица Адриатического моря действительно великолепна,—писал он в письме к М. Берберяну—очень интересен также монастырь мхитаристов, откуда я сейчас приехал, где я все осматривал и купил три книжки по армянской истории“.²

Этот год интересен также потому, что он является годом появления первого печатного труда Ю. Веселовского,—в „Русских ведомостях“ было опубликовано его небольшое произведение „Сон“.

В следующем 1890 году он оканчивает гимназию с медалью и поступает на историко-филологический факультет Московского университета. В письмах этого периода звучит вновь настойчивое желание поехать в Армению, побывать на развалинах Ани.

Несмотря на поступление в университет, Ю. Веселовский не теряет связи с Лазаревским институтом. Для поддержания этой связи он предлагает друзьям организовать „Общество бывших воспитанников Лазаревского института“. В этом обществе он действительно принял участие несколько позднее.

В 1890 году возникает у Ю. Веселовского замысел издания сборника армянской литературы. Студентом-первокурсником Ю. Веселовский отлично понимал, что задачей подобного сборника должна быть популяризация армянской литературы. Так, в письме к М. Берберяну он писал по поводу сборника:

„Но, разумеется, дело не в доходах, а в цели—познакомить

¹ Стихотворение „Ты знаешь край“. Архив М. Берберяна.

² Архив Ю. Веселовского.

русскую и европейскую публику с произведениями новой армянской литературы".¹

Летом 1892 года Юрий Веселовский решает осуществить давно задуманную поездку в Закавказье. Однако его намерению воспрепятствовал холерный карантин, и ему пришлось ограничиться поездкой в Нахичеван на Дону. В Нахичеване Ю. Веселовский был очень сердечно принят семьей Берберянов. Впервые он попал в армянскую среду, и время, проведенное среди новых знакомых, он вспоминал всегда, как одно из самых приятных в жизни. Ю. Веселовский знакомится подробно с историческим прошлым Нахичевана, его культурными учреждениями; результатом этого знакомства явился художественный очерк „Армянский уголок на юге России. Из воспоминаний туриста“.²

В университете Ю. Веселовский проявил себя, как очень одаренный и усердный студент. Литературоведческие и теоретические дисциплины давались ему легко; несколько труднее приходилось с историей, в частности больших забот стоил ему экзамен по русской истории у Ключевского. Пришлось „долбить книгу Соловьева, с массой фактов, цифр и имен, затем конспект самого Ключевского“.³ Все свободное время Ю. Веселовский посвящал написанию статей.

С первых же шагов круг интересов Ю. Веселовского оказался очень широким. Его внимание привлекают западно-европейская, русская, польская литературы, но основными были занятия и статьи по литературе армянской.

Молодому студенту приходилось с большим трудом преодолевать рутину и косность редакционных работников, их равнодушие к армянской литературе. Во многих редакциях в начале 90-ых годов статьи и переводы по армянской литературе встречали самый холодный, индифферентный прием и не однажды Ю. Веселовскому приходилось слышать возглас:

„Опять об армянах? Как вы с ними поситесь“. Однако подобные замечания не могли охладить пыла молодого энтузиаста; не взирая на трудности и препятствия, он с необыкновенной настойчивостью и упорством продолжал заниматься излюбленными темами.

Армянская печать очень чутко реагировала на все, появлявшееся об Армении и армянской литературе в русской прессе, поэтому многие даже из ранних работ Ю. Веселовского были переведены на армянский язык и опубликованы в армянских газетах (напр. его статьи „Древнейший период армянской драмы“, „Байрон на острове св. Лазаря“, „Столетие армянской прессы“ и др.).

Трудом, серьезно привлечшим внимание общества, явился первый том „Армянских беллетристов“ (М. 1893).

¹ Архив Ю. Веселовского.

² Русск. Ведом., 1892, 4/X, перевод на армянск. яз. см. «Արձազանը», 1892, տիպոգր.

³ Архив Ю. Веселовского.

В создании сборника и определении его состава активное участие принимали М. Берберян и А. Цатурян, но основным вдохновителем и организатором был почти единолично Ю. Веселовский. Ю. Веселовским был окончательно утвержден состав сборника, принят хронологический принцип его композиции, велись переговоры с переводчиками. Дружескую помощь и ценные советы получал он от отца — Алексея Николаевича, принимавшего близко к сердцу судьбу первого издания армянской литературы на русском языке. Близкое участие в сборнике принимали также мать — Александра Адольфовна и Е. Некрасова.

В качестве переводчиков в сборнике выступили М. Берберян, М. Кананов, Ю. Суренянц, О. Хунунц, Г. Бахчисарайцев и др.

К 15 декабря 1892 г. 70% сборника было готово, и Юрий Веселовский начал вести переговоры относительно издания. Издание было предпринято им на свои средства. В этом несомненно был известный риск, ибо никто не мог поручиться, что сборник найдет достаточное число покупателей; однако появление его в 1893 году на книжном прилавке вызвало интерес, значительно превзошедший надежды, и книга разошлась очень быстро.

Юрий Веселовский особенно дорожил распространением „Армянских беллетристов“ среди русских читателей. Он утверждал, что каждому экземпляру, проданному в Москве или Петербурге, следует радоваться больше, чем экземплярам, проданным в Нахичеване или Екатеринодаре.

Сборник „Армянские беллетристы“ был поднесен составителями Льву Николаевичу Толстому. Ю. Веселовский с М. Берберяном посетили Толстого в доме по Долго-Хамовническому переулку. Л. Н. Толстой встретил их очень ласково. Беседа с гениальным мастером взволновала молодых студентов. Касались, главным образом, литературных вопросов. Л. Н. Толстой интересовался Арменией и ее культурой. Он сердечно благодарил за поднесенную книгу и обещал обязательно ознакомиться с ее содержанием. Писатель расспрашивал Ю. Веселовского о его занятиях по армянской литературе, просил рассказать ему о художественных особенностях последней. Л. Н. Толстой отметил, что сборник „Армянские беллетристы“ даст ему возможность ознакомиться с армянскими авторами.

Опубликование сборника вызвало целую серию отзывов в русской и армянской печати. Появились рецензии в „Русских ведомостях“, „Русском листке“, „Русской мысли“, „Новом обозрении“, „Неделе“ и др. органах. Общий характер рецензий был несомненно благожелательный. Рецензенты отмечали новизну и свежесть открытой для русского читателя литературы. Они подчеркивали недостаточное внимание русской общественности к армянской культуре. Считали сборник удачным почином в деле ознакомления русских читателей с армянскими авторами. Так, рецензент „Русской мысли“ писал: „Этот сборник во многих отношениях очень интересен. До сих пор

русским, не только просто образованным людям, но и ученым, если только они не занимались специально армянской литературой, почти ничего не было известно о самом существовании этой литературы и весьма немного было известно об армянском народе¹.

Статьи в армянской прессе были не менее доброжелательными, однако некоторые из них, наряду с положительными сторонами, отмечали и отдельные промахи составителей. Так, напр., в рецензии, опубликованной в „Нор-Дар“-е,² подчеркивалось, что в статье о Прошяне автор М. Берберян подробно останавливается на 30-летнем юбилее Прошяна, которого в действительности не было. Вместе с тем, рецензент писал, что Ю. Веселовский единственный литературовед в России, занимающийся армянской литературой, и первые шаги его очень удачны.

После выхода сборника Юрий Веселовский внимательно следил за рецензиями, и очень часто ему приходилось радоваться и негодовать. Негодовал он потому, что, с его точки зрения, современники недооценивали самого факта появления книги, посвященной армянской литературе на русском языке. Его возмущало то обстоятельство, что критиковали расположение материала, оформление книги, а политического значения сборника, с его точки зрения, не воспринимали.

В письме к Алексею Николаевичу Веселовскому Пыпин очень лестно отозвался об „Армянских беллетристах“, считая, что этот сборник способствует развитию и воспитанию среди русских более гуманных идей на другие национальности, проживающие в одном с ними государстве. Этот отзыв очень понравился Юрию Веселовскому, и после получения письма он стал ждать с нетерпением рецензии в „Вестнике Европы“, написанной в таком же тоне.

Еще не успели улеяться все волнения, связанные с выходом в свет первого тома, как Юрий Веселовский, ободренный широким общественным резонансом, предпринял подготовку к изданию второго тома. Второй том он решил разделить на три отдела: I—Роман и повесть, II—Комедия, III—Поэзия. В первый отдел он предполагал поместить Ширванзаде, Папазяна, Нар-Доса, Тусаб и др.

Второй том „Армянских беллетристов“ был опубликован в 1894 г. Книга была художественно оформлена Суреняном, однако ее постигла печальная участь. Как только второй том „Армянских беллетристов“ появился в продаже, он был конфискован по постановлению комитета министров и почти полностью уничтожен.

М. Берберян писал Ю. Веселовскому из Тифлиса:

„В центральной книготорговле хозяин спрашивал о Беллетристах и о тебе. Большой спрос на 1-й том, 2-й том показываю здесь своим знакомым, одобряют, пересматривают, жалеют и всячески ругают рус-

¹ Русская мысль, 1893, № 7.

² Нор-Дар, 1893, № 77.

скую цензуру, конечно, находят и недостатки, ошибки в переводе, но вообще все хвалят тебя и восхищаются тобою".¹

Второй том „Армянских беллетристов“—это была обширная книга (свыше 570 страниц), она распадалась, как и предполагал Ю. Веселовский, на три отдела: роман и повесть, драма, лирическая поэзия. В числе переводчиков были К. Бальмонт, В. Шуф, Л. Уманец, О. Чюмина и др. Из 1 200 экземпляров, почти полностью уничтоженных, два-три случайно сохранившиеся представляют собой библиографическую редкость. Впоследствии почти весь материал этого тома был опубликован в периодической печати.

Эта неудача, однако, нисколько не обескуражила издателей, и вскоре ими был задуман 3-й том „Армянских беллетристов“, который, к сожалению, осуществлен не был.

В 1894 году Юрий Веселовский закончил слушание курса на историко-филологическом факультете. В последующие годы очень много внимания и времени уделяет он переводам из армянской литературы. Переводил он главным образом поэтические произведения: отрывки из Шах-Азиза, Р. Патканяна, А. Цатуряна и т. д. Отдельным изданием вышла из печати драма Сундукяна „Пэпо“. Перевод этой драмы был исполнен совместно с А. Цатуряном.

Работы Веселовского о Сундукяне вызвали особенно сильный резонанс в прессе. Так, в 1892 г. в газете „Нор-Дар“ появился отклик на статью „Из истории армянской сцены. Тифлисский театр и бытовая комедия“.² Рецензия носила хвалебный характер; о той же статье отзыв был помещен в „Новом обозрении“.³ Рецензент „Нового обозрения“ вместе с положительными сторонами постарался отметить отдельные небрежности автора. Об издании „Пэпо“ была напечатана статья в *«Արձագանք»*,⁴ в которой подчеркивались заслуги молодого литературоведа перед армянской общественностью. Перевод был признан очень удачным, несмотря на трудности Сундукяновского языка.

В 1897 г. Ю. Веселовский сдал экзамены при государственной комиссии и получил диплом первой степени; тем самым открывались самые различные возможности литературоведческой работы; одной из них было преподавание в университете, однако Юрий Веселовский предпочел сотрудничество в периодических изданиях. По своему темпераменту, умению легко и быстро писать, он был несомненно прирожденным журналистом. Количество его статей в прессе, после окончания университета, значительно возрастает. Статьи об армянской литературе печатаются им не только в изданиях, специально посвященных Армении, как напр., „Братская помощь“ Джаншиева, но и в различных сборниках, казалось бы очень далеких от армянской действительности, как, напр., „Призыв“—сборник, изданный в пользу

¹ Архив Ю. Веселовского.

² *Նոր-Դար*, 1892, № 186, стр. 2.

³ Новое обозрение, 1892, № 3002.

⁴ *Արձագանք*, 1896, 21/IV, № 46, стр. 2.

нуждающихся артистов Л. В. Гариным-Виндингом, или Пушкинский сборник. В этом несомненно сказался пылкий характер агитатора-пропагандиста, умевшего находить и использовать каждую лазейку, каждую щель для распространения любимых идей, мыслей, материалов, в данном случае материалов армянской литературы.

Одной из таких лазеек явился для Веселовского „Энциклопедический словарь“ Брокгауза и Ефрона. Он обратился в редакцию словаря с предложением написать ряд статей по ново-армянской литературе; древняя литература, а также история Армении, были, как он выражался, „до известной степени арендованы Н. Я. Марром“.

Юрий Веселовский не рассчитывал на успех и был очень обрадован, когда неожиданно получил любезное письмо от Арсеньева, который ему сообщал, что редактор литературного отдела словаря С. А. Венгеров с удовольствием принимает его сотрудничество и будет считать за ним все предложенные статьи. Таким образом, в течение трех лет, с 1896 по 1899 год, ему удалось поместить в Словаре восемь статей: Мкртич I Хримян, Мхитар и мхитаристы, Назарьянц, Налбандян, Акоп Паронян, Рафаэл Патканян, Прошян и Раффи.

Большой заслугой Юрия Веселовского явилось то, что с самого начала своей литературной деятельности он внедрял армянскую литературу в сознание русского читателя, в едином аспекте западно-европейских и других иностранных литератур. Изданием книжки „Стихотворные переводы“ (1898 год) Юрий Веселовский декларировал равноценное значение и место армянской литературы в ряду других, в частности и западно-европейских литератур. Книжка „Стихотворные переводы“ содержит в себе отрывки из „Лирического интермецо“ и из „Heimkehr“ Гейне, отрывки из лирики С. Шах-Азиза, П. Дуряна, А. Цатуряна, О. Ованнисяна, Леренца и извлечения из драмы Ибсена „Северные богатыри“. Так как раздел „Армянских поэтов“ является наиболее обширным и помещен в центре, то Гейне и Ибсен выглядят в этом сочетании очень интересным и своеобразным обрамлением.

Литературная деятельность Веселовского в 90-ые годы приобретает очень широкий размах. Он становится популярным среди русских и армянских читателей, утверждается его авторитет и в кругу специалистов литературоведов. Выражением этого общественного признания явилось избрание его членом целого ряда литературных и культурных обществ. В 1899 году он был избран в члены „Общества любителей российской словесности“ в Москве, „Союза русских писателей“ в Петербурге, „Неофилологического общества“ также в Петербурге. Тесная связь с Лазаревским институтом не прекращается. В 1898/99 г. Ю. Веселовский был кандидатом правления в Обществе бывших воспитанников Лазаревского института. Вопросы, волновавшие его „Alma mater“, не выпадают из его поля зрения.

Положительной стороной работы Ю. Веселовского являлось также и то, что он не ограничивался печатным словом, а выступал с

докладами и лекциями, в 1898/99 году посетил Рязань и Курск, в 1900 году ездил в Ярославль.

На рубеже двух веков, в дни широкого развития массового рабочего движения, дни, когда стали доноситься еще далекие, но уже могучие раскаты грома первой русской революции, дни руководящей работы и организации партии большевиков т. т. Лениным и Сталиным, с особенной остротой почувствовалась необходимость интернационального общения народов, населявших необъятные просторы русского государства. Этой потребности с самого же начала ответила деятельность Ю. Веселовского. Стремление к объединению лучших передовых сил различных национальностей, по цензурным условиям того времени, могло вылиться, главным образом, в культурно-литературное общение и то не без опасности, как мы это видели на примере со вторым томом „Армянских беллетристов“. Поэтому и деятельность Юрия Веселовского передовыми слоями русского и армянского общества воспринималась, как очень важная и необходимая. Выражением этого отношения явился юбилей десятилетней литературной деятельности (1889—1899) Ю. Веселовского, отпразднованный в 1900 году. Этот юбилей явился символом дружбы народов, протестом против всяких шовинистических выхонок черносотенной прессы. В этом свете становится понятным чрезвычайно большое количество откликов на это юбилейное торжество, его широкий общественный резонанс. Молодой литературовед, сумевший ответить назревшей общественной потребности, оказался в центре внимания, его работа—работой большого политического значения. Чествование Ю. Веселовского происходило 22-го января 1900 года в гостинице „Континенталь“ в Москве. Во время ужина первым выступил с приветственным словом Смбат Шах-Азиз, подчеркнув, что юбиляр является его учеником по Лазаревской гимназии. „Да, мы желали бы побольше Веселовских,—сказал С. Шах-Азиз,—побольше светлых людей в русском обществе, беспристрастно относящихся к порокам и добродетелям маленького и все-же исторического народа“.

Вслед за Смбагом Шах-Азизом Бархударян зачитал специальный адрес от редакции „Нор-Дар“-а. От армянского студенчества выступил с чтением адреса студент С. Капанакян. Особенно сильное впечатление на собравшихся произвели телеграммы, зачитанные Александром Цатуряном. В этих телеграммах отразилось настроение армянского общества, интернациональные убеждения его передовой части. Лучшие представители армянской литературы выразили в них свое глубокое уважение и любовь к русскому народу. В телеграммах Габриэла Сундукяна, Ширванзаде, Нар-Доса, Прошяна, Агаяна, Мурацана, Ованеса Туманяна звучала дружеская признательность к первому популяризатору армянской литературы в России.

Приветствия от крупнейших деятелей армянского народа не явились неожиданными для Юрия Веселовского. С первых же шагов на поприще армянской литературы он установил персональные связи с

литераторами Армении. Так, еще в 1892 году он переписывался с Габриэлом Сундукяном. Сундукян благодарил его за статью „Из истории армянской сцены“, которая с чувством отрадного удовольствия была прочтена не только им, но, с его слов, и армянской интеллигенцией.

В письме 1898 года Веселовскому Сундукян подробно рассказывал о своем прошлом, увлечениях русским театром, в частности игрой Каратыгина и Щепкина. Таким образом, его телеграмма, адресованная юбиляру, явилась продолжением давно завязавшейся дружбы.

В 1895 году Ю. Веселовский познакомился с Ширванзаде. В октябре 1895 года Ширванзаде, проезжая через Москву, зашел в гости к Веселовским. Последние встретили его исключительно сердечно, и он остался очень довольным оказанным ему приемом. Ровно через пять лет он телеграфировал Ю. Веселовскому:

„От души поздравляю симпатичнейшего виновника торжества—желаю процветания многостороннему таланту“.¹

Не приходится говорить о тех тесных узах, которые связывали Юрия Веселовского с Смбагом Шах-Азизом. Это были узы многолетней дружбы, начавшейся в стенах Лазаревского института и продолжавшейся вплоть до смерти Шах-Азиза. Дружба этих двух талантливых людей не ограничивалась встречами, это была подлинно творческая дружба. Юрий Веселовский переводил поэзию Шах-Азиза на русский язык; его перу принадлежат лучшие в свое время статьи о творчестве Шах-Азиза, а последний, в свою очередь, посвящал молодого литератора во все тайники армянской литературы и культуры.

Юбилей явился толчком для некоторого подытоживания работы. Таким творческим отчетом явился первый том „Литературных очерков“, вышедший в 1900 году. В этом издании Ю. Веселовский придерживался своего старого принципа, а именно, критические статьи об армянской литературе он опубликовал в единой цепи исследований европейской и русской литературы.

В следующем 1901 году Ю. Веселовским была написана для сборника С. Шах-Азиза статья о Егише „Литературный деятель героической эпохи“.

Изучая армянскую литературу в аспекте международном, Ю. Веселовский невольно приходит к постановке проблемы влияний и литературных взаимоотношений. Он не ограничивает круга своих исследований русско-армянскими литературными связями, а ставит вопрос значительно шире—об армяно-европейских литературных отношениях. Внимание его концентрируется первоначально на францужско-армянских отношениях. Так, в 1902 году в „Нор-Дар“-е на армянском языке он публикует статью „Корнель и армяне“.

1902 год является также знаменательной датой в деятельности Ю. Веселовского потому, что в этом году он издает первую моногра-

¹ Архив Ю. Веселовского.

фию об армянском авторе на русском языке. Мы имеем в виду первое издание книги Ю. Веселовского „Армянский поэт Смбат Шах-Азиз“.

В дни первой русской революции появилось второе издание этой монографии¹ и почти следом в 1906 году в Армавире сборник „Очерки армянской литературы и жизни“. В этом сборнике были перепечатаны статьи, ранее появившиеся в „Новостях“, „Петербургской жизни“, „Бакинских известиях“, „Донской речи“ и „Новом обозрении“. Это были статьи об отдельных авторах—Дуряне, Пароняне, Патканяне и др., а также статьи, посвященные проблемам влияний, как, напр., „Влияние В. Гюго на армянскую литературу“ или „Несколько упоминаний об армянах в русской поэзии XVIII века“.

Рецензий по поводу монографии о Смбате Шах-Азизе было много; они были опубликованы в „Русских ведомостях“, „Донской речи“, приложении к журналу „Нива“ и т. д.

О книге „Очерков“ пресса отозвалась значительно сдержаннее.

После издания „Армянских беллетристов“ Юрия Веселовского не покидала мысль создать антологию армянской поэзии. Попыткой к осуществлению этой мысли явился сборник „Армянская муза“ 1907 года. Этот сборник опередил знаменитую Брюсовскую „Поэзию Армении“, уступая ей, однако, как в количественном, так и в качественном отношении. „Армянская муза“ редактировалась Ю. Веселовским совместно с проф. Г. А. Халатьянцем. Переводам предпослана статья Ю. Веселовского „Несколько слов о новой армянской поэзии“. В сборнике представлена армянская поэзия XIX и начала XX века: Патканян, Шах-Азиз, Додохян, О. Ованнисян, Л. Мануэлян, А. Цатурян, Леренц, О. Туманян, А. Исаакян, Г. Алишан, С. Гекиян и др.

Несомненной заслугой Ю. Веселовского явилось то, что он сумел организовать талантливый коллектив переводчиков, в котором были представлены такие поэты, как К. Бальмонт, И. Бунин, И. Белоусов, С. Головачевский и др.

Название „Армянская муза“ было навеяно хрестоматией по русской поэзии под редакцией Якубовича. Участие проф. Г. А. Халатянца в издании „Армянской музыки“ было очень значительным. Он трудился над отбором материала, готовил подстрочные переводы.

После издания „Армянской музыки“ Ю. Веселовский прибегает к оригинальному литературоведческому приему, а именно—обращается с анкетой к армянским писателям-современникам, по вопросу о влиянии на них русской литературы.

Широкая популярность Ю. Веселовского и его авторитет в кругах армянской общественности обеспечили успех дела; ему удалось собрать очень интересный и ценный материал. Этот материал был оформлен первоначально в виде лекции, прочитанной в 1908 году в

¹ Юрий Веселовский. „Армянский поэт Смбат Шах-Азиз“, Москва, 1905 год.

помещении Петербургского армянского кружка, а затем в городе Баку, по приглашению Бакинского Армянского культурного союза. В 1909 году эта лекция была издана в виде небольшой, но очень своевременной и нужной книжки.¹

В книжке приводились высказывания Г. Сундукяна, С. Шах-Азиза, Х. Агаяна, О. Ованнисяна, О. Туманяна, А. Исаакяна и других армянских поэтов и прозаиков. Эта работа Ю. Веселовского произвела очень глубокое впечатление как на русское, так и на армянское общество; она подтвердила фактами, документами живую дружескую связь двух культур, двух литератур. Естественно, поэтому, значительное количество откликов в печати. Рецензии появились в „СПБ ведомостях“, газете „Баку“, „Новом времени“, „Горько“, „Ար Ժամանակ“; большинство из них было доброжелательными.

30/IV 1910 года в Москве праздновался XXV-летний юбилей поэтической деятельности А. Цатуряна. На этом юбилее с взволнованной речью выступил Ю. Веселовский. С Цатуряном его связывала многолетняя дружба. Молодой Цатурян был очень близок к семье Веселовских. Друзья дополняли друг друга. Ю. Веселовский помогал Цатуряну овладеть трудным для него русским языком, Цатурян те же услуги оказывал ему в языке армянском. В интересной переписке Ю. Веселовского и Цатуряна много ярких и ценных фактов для биографии и характеристики поэта.

Ю. Веселовский высоко ценил талант Цатуряна, охотно переводил его стихи; в свою очередь Цатурян любил его и очень тепло отзывался о его деятельности. В письме от 20/VIII 1899 г. он писал ему:

„Я приобрел „Пушкинский сборник“, прочел твою статью. Спасибо тебе за армян, Юрий, к жизни которых у тебя не ослабевает интерес“.²

А. Цатурян пропагандировал статьи Веселовского. Так, им была переведена на армянский язык статья „Столетие армянской прессы“, которой было предпослано предисловие. „Не впервые господин Веселовский—писал Цатурян—выступает в родной литературе и печати с разумными, толковыми статьями, посвященными тем или иным выдающимся явлениям армянской жизни, создает о нас правильное и обоснованное впечатление. Несколько лет уже, как он с любовью следит за развитием нашей общественной и умственной жизни и при случае выступает в русской печати со своим доброжелательным словом и добросовестным мнением“.³

Ю. Веселовский пережил Цатуряна. 19 мая 1917 года он выступил в Литературно-художественном кружке в Москве, на вечере памяти друга-поэта.

¹ Ю. Веселовский „Русское влияние в современной армянской литературе“, М. 1909.

² Архив Цатуряна.

³ „Ար Ժամանակի Կրկնագիր“, Մտրք, 1894, № 10, стр. 1505—1513.

В 1910 году Ю. Веселовский издал второй том „Литературных очерков“. Этот том явился логическим продолжением первого, появившегося в 1900 году. В этот том вошли статьи, опубликованные в прессе за десятилетие, с 1899 по 1909 год. В составе этого тома мы вновь встречаем работы по европейской и армянской литературам; в нем опубликованы статьи о Шиллере, Корнеле, Байроне, „Шестидесятые годы и армянский журнал в Москве“, „Западное влияние в литературе русских армян“ и др.¹

Параллельно с деятельностью журналиста и литературоведа Юрий Веселовский вел педагогическую работу в гимназии и на высших женских курсах. К этому понуждала его недостаточная материальная обеспеченность. Жалобы на экономические затруднения мы встречаем очень часто в его письмах к М. Берберяну.

В 1912 году вышел первый том Собрания сочинений А. Ширванзаде.² Предисловие к этому изданию с общей характеристикой творчества было написано Ю. Веселовским. А. Ширванзаде, ознакомившись с ним, писал автору 17/III 1912 года из Тифлиса:

„Простите, что я так поздно отзываюсь на Ваше последнее письмо. Но я хотел сначала, получив издание, посмотреть на него и потом сообщить Вам свое впечатление. А получил я его только на днях. С большим интересом прочел Ваше великолепное предисловие. Говоря „великолепное“ не думайте, что я делаю Вам комплимент. Оно действительно написано весьма умно, серьезно и выдержанно. Мне больше всего в Вашем мнении обо мне понравилось отсутствие вычурности, столь частой вообще в статьях на русском языке об армянской литературе.

Спасибо Вам!“³

В дни первой империалистической войны события на Кавказском фронте привлекли внимание русского общества к Армении, ее культуре и историческому прошлому. Ответом на этот интерес явился значительный поток литературы об Армении и в частности „Армянский сборник“, выпущенный в 1915 году книгоиздательством Н. Н. Орфенова „Звезда“ в Москве.

Сборник был подготовлен редакционной коллегией, в которую входили Ю. Веселовский, Дживелегов, Кара-Мурза и др. Он открывается стихотворением Ю. Веселовского „Армения“. Это стихотворение является исключением в его публикациях, ибо своих стихов он почти не печатал. В этом стихотворении он как-бы воскрешает свои юношеские патриотические стихи об Армении. Теперь, однако, это уже строки искушенного в поэзии человека, сохранился лишь все

¹ Отзывы об этом томе мы находим в „Новостях“ 1910, № 46, *Взгляд*, 1910.

² А. Ширванзаде. Собрание сочинений, том I. Честь, роман. Кн-во „Современные проблемы“. М. 1912 год.

³ Архив Ю. Веселовского.

тот же юношеский задор, любовь к далекому интересному краю, его историческому прошлому, вера в его светлое будущее.

В том же сборнике была опубликована речь Ю. Веселовского, произнесенная в заседании Общества любителей российской словесности при Московском университете 21/II 1915 года на тему: „Мечты и действительность в творчестве русско-армянских писателей“.

С 1916 года Ю. Веселовский становится активным участником и сотрудником „Армянского вестника“, издававшегося в Москве. Из номера в номер печатались его статьи, посвященные отдельным вопросам армянской литературы, переводы и оригинальные стихотворения.

Война, назревающая революция не могли не наложить своего отпечатка на работу Веселовского.

Основная направленность этой работы продолжала оставаться все той же; он попрежнему убежденный пропагандист армянской литературы и культуры. Однако, эта пропаганда приобретает несколько иной оттенок. Теперь он уже любит напоминать молодым литературоведам о первых шагах, сделанных в этом направлении в 90-ые годы, любит ссылаться на старые труды, и иногда проскальзывает особая нотка надрива, усталости. В своей статье „На заре лучших дней“ он писал:

„Зачем пужно было прожить большую часть жизни, чтобы встретить восход солнца, когда эта жизнь идет уже под уклон? Ежедневно приходится мне видеть в стенах школы сотни молодых, жизнерадостных лиц. И невольно я думаю каждый раз: счастливы те, чья молодость совпала с крушением старого строя! Им не придется выносить многого, что выносили предыдущие поколения. Их путь будет озарен лучами свободы. Как печален удел тех, кто начинал свой жизненный путь в сумерках“...¹

Веселовский отмечает, что за истекшие два десятилетия многое уже сделано в деле популяризации армянской литературы и следует идти дальше. Это дальше он видит в воспитании молодого поколения в духе интернационализма, он считает, что значительная роль в этом деле принадлежит школе. Учитель в русской школе должен ознакомиться с историческим прошлым, с географией Армении. На школьных вечерах можно ознакомить учащихся с литературой, поэзией, искусством армянского народа. Ю. Веселовский очень внимательно следит за новинками в области переводов из армянской литературы. На эти переводы он откликается рецензиями. Таковы его рецензии на Брюсовскую антологию, или на стихотворные переводы Шарту. На страницах „Армянского вестника“ он возвращается к излюбленным авторам—Раффи и Сундукяну, к излюбленной теме о влиянии русской литературы на армянскую. Таково его исследование о влиянии Надсона на армянскую поэзию. Из-под его пера появляются и чисто пуб-

¹ Армянский Вестник 1917 г., № 14, стр. 1—5.

лицистические произведения об армянских детях, о судьбах Армении. Круг его интересов продолжает оставаться очень широким. Одновременно Ю. Веселовский сотрудничает в журнале „Армяне и война“, а также в „Вестнике Европы“, в „Вестнике воспитания“ и других изданиях.

К большому сожалению очень рано оборвалась жизнь этого интересного и многогранного литературоведа. Ю. Веселовский умер в 1919 году, всего лишь на несколько месяцев пережив отца. Он умер полный незавершенных замыслов, надежд на новое блестящее будущее любимой им армянской литературы. Многие не успел и не смог сделать Ю. Веселовский, однако имя его остается светлой страницей в истории литературоведческой мысли. Его заслуги, как одного из пионеров в деле борьбы за интернациональную культуру, неоспоримы. Он сумел сказать веское и яркое слово о дружбе армянского и русского народов, показать влияние русской литературы на армянскую, привить русскому читателю любовь и интерес к армянской литературе. В этом историческое значение Ю. Веселовского, одного из первых русских ученых, посвятивших свою деятельность изучению и популяризации армянской литературы.

Глава II

В предыдущей главе нашей работы, излагая жизнь и деятельность Ю. Веселовского, мы старались показать заслуги его перед армянской литературой. Однако, наравне с этими неоспоримыми историческими заслугами, критические труды и переводческая деятельность Ю. Веселовского нуждаются в серьезном пересмотре и оценке.

Невольно может возникнуть вопрос: уместно ли подвергать детальной критике работы Ю. Веселовского? Труды Веселовского—достояние истории, скажут нам, он немало сделал для армянской литературы вчера, есть ли необходимость пересматривать его литературоведческие принципы сегодня? Да, есть, отвечаем мы. Именно то обстоятельство, что заслуги Ю. Веселовского перед армянской литературой исключительно велики, именно это обязывает нас дать, по мере наших сил, детальную оценку его работе, показать ее сильные и слабые стороны.

В необходимости этого убеждает нас и то, что совсем недавно, в 1941 году, целый ряд статей Ю. Веселовского об армянской литературе был переиздан, без какой-либо попытки критически их осмыслить или оценить¹

Трудно оценить труды Ю. Веселовского по армянской литературе, не имея четкого представления о его мировоззрении и месте в истории русского литературоведения.

¹ См. сборник—Об армянской литературе. Составил В. Терзибашян. Ереван. Армяиз, 1941.

Ю. Веселовский с первых шагов своей деятельности определился, как один из прогрессивных мыслителей своего времени, либерал, в отдельных вопросах шедший дальше обычных прогрессивных устремлений. Однако непосредственно политические вопросы не волновали Веселовского. В нем не было достаточной общественной чуткости, и многих явлений современной ему жизни он разглядеть не сумел. Единственный политический вопрос, серьезно волновавший его, — это, как мы видели, был вопрос о дружбе народов и в частности о дружбе русско-армянской. Февральскую революцию Ю. Веселовский встретил, как „зарю новых дней“. В период от февраля к октябрю он пытается определить свое политическое положение. 3/VI 1917 года в письме к М. Берберяну он писал:

„Как идет твоя общественная деятельность, к какому течению ты теперь примыкаешь? Что касается меня, то я, конечно, не настоящий общественный деятель, тем не менее, по своей партийной окраске, я ближе всего примыкаю к народным социалистам...“¹

Исчерпывающую характеристику народных социалистов или энзосов находим мы в трудах В. И. Ленина. Позволим себе напомнить некоторые из его высказываний для того, чтобы отчетливее представить политическую ориентацию Ю. Веселовского. В статье „О народничестве“ В. И. Ленин писал: „Уже на первом съезде эс-эров, в декабре 1905 года, начинают откалываться от них „народные социалисты“ окончательно отделившиеся к осени 1906 года.“

Эти „народные социалисты“ предвосхитили наших ликвидаторов. Точь-в-точь пели они об „открытой партии“, точь-в-точь ликвидировали лозунги последовательной демократии и вели ренегатские речи (см., например, статьи г. Пешехонова в № 8 „Русского богатства“ за 1906 год).“²

В статьях более позднего периода В. И. Ленин продолжал разоблачать социалистов за их мещанское малодушие по отношению к массам и легкое верие по отношению к власти. 9 июня 1917 года В. И. Ленин выступил в „Правде“ со статьей „Надо разоблачать капиталистов“, в которой он следующим образом отзывался о Пешехонове: „Ждать от правительства капиталистов, от г. г. Львова, Терещенко, Шингарева и К., от их бессильного и игрушечного „придаточка“, Чернова, Церетели, Пешехонова, Скобелева, ждать от них издания такого закона разоблачения капиталистов было бы детски наивно.“³

Политические признания Юрия Веселовского были не случайными. В своей деятельности он был очень далек от смелой и правильной постановки общественных вопросов. Даже в национальном вопросе, в котором проявились наиболее передовые и прогрессивные стороны его мировоззрения, он не шел дальше общих фраз.

¹ Архив Ю. Веселовского.

² В. И. Ленин. Сочинения, третье издание, том XVI, стр. 284.

³ В. И. Ленин. Сочинения, третье изд., том XX, стр. 428.

По своим литературоведческим позициям Юрий Веселовский примыкал к той школе, которая наиболее ярко расцвела как раз в конце XIX и начале XX века—к школе культурно-исторической. Школа эта, в лице своих наиболее крупных представителей А. Н. Пыпина, Тихонравова, Шахова и других последователей и сторонников, была тесно связана с русским либерализмом. Начало этой связи было ознаменовано борьбой Пыпина против напечатания романа Чернышевского „Пролог“. В традициях культурно-исторической школы развивалась и деятельность Юрия Веселовского. В статье его, посвященной методологическим вопросам, мы читаем:

„Пишущий эти строки считает последовательно проводимое сближение истории словесности с историей культуры и политических форм, а также с обзором постепенного развития владевших умами идей совершенно неизбежным и безусловно продуктивным...“¹

С позиции культурно-исторической школы расценивает Веселовский и многие явления армянской литературы.

Труды Юрия Веселовского по армянской литературе затрагивают очень обширный и разнообразный круг вопросов. Он пытается осветить целые периоды в развитии армянской литературы, создает этюды об отдельных писателях (Абовян, „Раффи“, Сундукян, Шах-Азиз...). Специальное внимание уделяет вопросам армянской журналистики, театру, культурным гнездам. Особый интерес в кругу его исследований представляет проблема влияний литератур русской и западно-европейской на литературу армянскую. Следует отметить его публицистические статьи, в которых его волнует настоящее и будущее Армении. Не обойдены и рецензии. Живо откликаясь на все новые издания, относящиеся к Армении, Ю. Веселовский внимательно их рецензирует.

Как литературовед, Юрий Веселовский был необычайно плодовит; об этом свидетельствуют свыше 10 отдельных изданий и свыше 60 журнально-газетных статей. Ему незнакомы были, очевидно, продолжительные муки пера, писал он легко и быстро, и это наложило на некоторые его статьи отпечаток спешки, а подчас и некоторой поверхностности.

Работы его очень разнокалиберны по своему характеру и составу. Мы встречаем серьезное оригинальное исследование, беглую критическую статью, написанную к дате или юбилею, художественный очерк, реферат, излагающий труды армянских историков литературы и не привносящий чего-либо нового в изучение данного вопроса.

В связи с специфически популяризаторскими задачами, Юрий Веселовский довольно часто повторяется. В разных статьях мы можем встретить все те же мысли и иногда те же материалы.

¹ „Революция и преподавание словесности в средней школе“, Вестник воспитания, 1917 год, № 6—7, стр. 106.

Хронологически Юрий Веселовский сосредоточил свое внимание, главным образом, на литературе XIX века и современном ему периоде. Однако и вопросы древней литературы не ускользали из его поля зрения; этому доказательство—статья о Егише и о древнем периоде армянской драмы.

Занимаясь около 30-ти лет армянской литературой, Юрий Веселовский не мог не задуматься над концепцией этой литературы, над путями ее развития. В данном вопросе, однако, ему не удалось создать чего-либо оригинального или нового, по сравнению с армянскими историками литературы: Лео, Левоном Мануэляном, В. Папазяном, на которых он опирался. В его понимании историко-литературного процесса очень много дефектов. Так, в его трудах теряется литературная преемственность между древней и новой литературой. После авторов V века наступает провал вплоть до XIX века. Это связано с недостаточным вниманием и недооценкой народного творчества, эпоса, поэзии ашугов. Творчество последних почти не представлено в статьях и переводах Ю. Веселовского. Живой родник фольклора и его историческое развитие исчезли из поля зрения нашего литературоведа также, как исчезли авторы армянского возрождения (Григорий Нарекский и др.). Подобный провал преемственности является предпосылкой для неправильной трактовки возникновения армянской литературы XIX века. По словам Юрия Веселовского, вся армянская литература этого периода, ее зарождение связано исключительно с влиянием иностранной культуры: „Подражание иностранным образцам, особенно на первых порах, было, конечно, очень значительно, так как приходилось создавать почти что из ничего¹ армянскую повесть, драму, лирическую поэзию и т. п. и, естественно, нужно было искать в других литературах указаний и примеров. Иногда случалось даже, что, при наличии известного, национального материала, из которого можно было создать что-то самобытное, все же обращались к иностранным образцам и руководились ими“.² При подобном подходе к литературным явлениям очень легко было договориться до полного отрицания самостоятельности армянской культуры. В данном случае, однако, Ю. Веселовского спасла счастливая непоследовательность, ибо в отдельных этюдах о писателях (Абовян, Сундукян) он подчеркивает их оригинальное значение.

Вопрос литературных влияний занимает очень большое место в исследованиях Веселовского. Этот вопрос очень ярко отражает сильные и слабые стороны его работы, его литературоведческих подходов. Несомненной заслугой Ю. Веселовского явилось то, что впервые ему удалось на довольно широком материале показать влияние русской и западно-европейской литературы на литературу армянскую.

¹ Подчеркнуто нами.—С. А.

² Западно-европейское влияние в литературе русских армян. В сборнике „Литературные очерки“, том II, М. 1910, стр. 268—269.

В этом плане большой интерес представляет оригинальное исследование на тему „Армения и французская культура“.¹ В своей работе Ю. Веселовский утверждает, что армяне были всегда активными и убежденными пропагандистами французской культуры. Статья состоит из двух разделов. В первом автор останавливает свое внимание на отношении так наз. „западных армян“, во втором пишет об отношении „русских“ армян к французской культуре.

Армяно-европейскими литературными отношениями Ю. Веселовский занимался и в такой работе, как „Западно-европейское влияние в литературе русских армян“,² также и в специальных экскурсах, как, например, „Корнель и армяне“.³

Влияние Байрона, Золя, Мольера, Пушкина, Лермонтова, Чехова, Надсона и других авторов на армянскую литературу было им установлено бесспорно, причем многие эти явления были указаны Ю. Веселовским впервые. Предпринятая в 1907-1908 годах Ю. Веселовским анкета на тему о русском влиянии в армянской литературе⁴ среди писателей-современников дала столь удачные результаты, что этими результатами оперируют и в наши дни. Однако, проблема влияний оказалась гиперболизированной. Ю. Веселовский уделял влияниям слишком значительное место в историко-литературном процессе, ступившая иногда тем самым самостоятельное значение тех или иных литературных памятников. Подобное преувеличение проблемы литературных влияний не может быть отнесено к положительным сторонам его работы.

Освещая эту проблему, Н. Я. Марр, напр., стремился, наоборот, подчеркнуть второстепенность вопроса иностранных влияний в армянской литературе, нисколько не умаляя их значения. Он все время подчеркивал оригинальную силу армянской культуры, „которая сохранилась, пережив столько испытаний огнем и мечом. Говоря о культурном воздействии великих держав, Н. Я. Марр писал, что „их могущественное духовное влияние порою, конечно, лавило внутреннюю самобытность армян, порою, казалось-бы, уничтожало своеобразие местных культурных всходов, но в районе, часть которого составляла Армения, было столько веками унаследованной культурной закваски,

¹ Исследование это имеется также и во французском переводе: „L'Arménie et la culture française“. Оба текста представлены в архиве Ю. Веселовского. Статья была написана в 1916/17 году для „Вестника Европы“, в журнале, однако, она не появилась. Ю. Веселовский собирался прочитать ее в виде доклада в Тифлисе. В письме к М. Берберяну от 22/1-1917 г. он писал: „Ты получил, надеюсь, мою телеграмму и знаешь, что тема „Армения и французская культура“ свободна: к началу апреля статья еще не будет напечатана в „Вестнике Европы“. Это меня устраивает, т. к. трудно было-бы составить программу и текст двух совершенно новых лекций, при наличии целого ряда срочных работ“. (Архив Ю. Веселовского).

² См. сб-ик Литературные очерки, том II, М. 1910.

³ Нор-Дар, 1902, № № 114, 117.

⁴ Русское влияние в современной армянской литературе. Москва, 1909.

что в конце концов и это чуждое и наносное, вызывая к жизни затаенные силы народа, претворялось в родное и лишь усложняло или обогащало местную культуру".¹ Этот момент оригинального развития армянской литературы несомненно был недооценен Веселовским.

В своих этюдах об отдельных авторах Ю. Веселовский коснулся очень многих армянских писателей. Он писал о М. Пешикташляне, Раффи, Абовяне, Сундукяне, Цатуряне, Налбандяне, Пароняне, Патканяне, Прошяне, Егише, Смбат Шах-Азизе и др. Впервые под пером Ю. Веселовского заблестали эти авторы в русской критике, дошли до сознания широкого читателя. Однако и здесь в трудах Ю. Веселовского должно быть очень многое пересмотрено и переоценено. В исследовании отдельных писателей, как и в общей разработке историко-литературного процесса, метод его не может нас удовлетворить. Так, напр., в статье о Раффи он отрывает „тенденцию“ или, иначе говоря, идейность от чисто художественных особенностей произведения; он пишет:

„Тенденция и художественность вообще редко идут вполне рука об руку; там, где на первом плане стоит защита дорогой автору идеи, форма беллетристического произведения невольно отступает несколько на второй план и, хотя в „Искрах“ или „Хенте“ есть, напр., прекрасные художественные описания и эффектные, сильно очерченные сцены, несомненно самое интересное и замечательное в этих романах—это те взгляды, которые автор устами некоторых своих героев старается передать читателю“.²

Такой механический разрыв художественного произведения мы можем встретить и в других работах Ю. Веселовского.

Так-же неправильно, с забвением всей историко-литературной ценности и литературной специфики Раффи, ставится Веселовским проблема его литературного наследства. Он пишет:

„Но самое важное значение, несомненно, имеют те из тенденциозных произведений Раффи, в которых он является защитником армян и талантливым изобразителем их печальной участи. Быть может, настанет день, когда забудутся или не вполне будут цениться все остальные заслуги Раффи, но всегда останется в памяти народа его горячее заступничество за угнетенных соплеменников“.

Подобная постановка вопроса является типичной для историко-культурной школы.

Мы не собираемся здесь заниматься проблемами литературного наследства Раффи, они неоднократно обсуждались в нашей печати, мы стремимся только показать ошибочность освещения данного вопроса в работе Ю. Веселовского. Статья о Раффи свидетельствует также о некоторой небрежности или неосведомленности автора. Так, очерк Ширванзаде „Пожар на заводе“ приписан почему то Раффи.³

¹ Н. Я. Марр. *Анн. Армгиз*, 1939, Ереван. Стр. 14—15.

² Раффи. В сб-ке „Армянские беллетристы“, М. 1893, стр. 95.

Раффи. В сб-ке „Армянские беллетристы“, М. 1893, стр. 97.

Этюд об Абовяне¹ значительно удачнее. Этот этюд богат фактическим материалом, правильно очерчена фигура Абовяна: патриота, прогрессиста, основоположника нового литературного языка.

Особое место в литературоведческом наследии Веселовского занимают труды о Сундукяне. К Сундукяну Ю. Веселовский возвращался неоднократно в различные периоды своей деятельности. Основное, что подчеркивалось Ю. Веселовским в Сундукяне, это его умение разглядеть жизнь самых различных общественных слоев. Особой заслугой считал он выведение на сцену образа „кинто“.² Очень большое внимание и даже специальное исследование было посвящено Ю. Веселовским взаимоотношениям Сундукяна и Островского. Эти взаимоотношения раскрыты на материале дружеского знакомства и встреч Сундукяна с Островским. Ю. Веселовский заостряет внимание на стараниях Островского поставить „Пэпо“ на сцене Малого театра. Однако, когда Ю. Веселовский подходит непосредственно к анализу художественных текстов Островского и Сундукяна, то тут литературные влияния устанавливаются им довольно примитивно. Так, напр., он сопоставляет „Разоренное семейство“ с пьесой Островского „Свои люди сочтемся“³ и идет по линии простых фабульных совпадений. Внимание исследователя концентрируется на двух параллельных образах Нато и Липочки и на желании обеих выйти замуж за „благородных“. Никакого анализа творческих методов изучаемых драматургов мы не находим и, естественно, поэтому проблема влияний скользит по поверхности и оказывается недостаточно обоснованной. Вообще, анализ художественной специфики у Веселовского не всегда удачен. В частности, в многочисленных работах о Сундукяне вопросы Сундукяновских образов, композиции и т. д., иначе говоря, анализ художественных сторон его драматургии выпадает из поля зрения нашего литературоведа.

Несомненной заслугой Ю. Веселовского было внимание не только к армянской драматургии, но и к армянскому театру в целом. Одним из первых его выступлений в этой области был некролог об Адамяне, в котором он попытался оценить игру этого замечательного мастера армянской сцены. В работе о древнейшем периоде армянской драмы⁴ Ю. Веселовский отметил недостаточное внимание историков армянского театра к далекому прошлому. Сам он черпал сведения об этом периоде у Плутарха и Тацита. В работе очень интересно показано сохранение армянского театра, его традиций в народе. В свадебных обрядах, в масленичных играх Ю. Веселовский видит продолжение античной комедии. В этом тезисе: о народе, как хранителе

¹ Там же, стр. 3—19.

² Габриэл Сундукяц и его комедия „Пэпо“, М. 1896.

³ „Разоренная семья“ Сундукянца и комедии Островского. Армянский Вестник, 1916, № 34, стр. 2—5.

⁴ Древнейший период армянской драмы. Приазовский край, 1892, №№ 207, 208, 209.

театральной культуры Армении. Ю. Веселовский приближается к замечательному положению Н. Я. Марра: о народе, как о бессмертном хранителе культурно-национальных традиций. В монографии об Ани Н. Я. Марр отмечал, что „Если исключить церковь, поборницу армянского национализма в узко-конфессиональных целях, народные традиции высоко ценились и чтились реально в среднем и низшем слоях армянского общества“.¹

Особенно близка была Ю. Веселовскому армянская поэзия. Он воспринимал ее не только как критик, но и как переводчик. Эта творческая близость наложила свой отпечаток и на его статьи. Среди поэтов, которыми занимался и о которых писал Ю. Веселовский, одно из первых мест принадлежит С. Шах-Азизу.

В монографии о С. Шах-Азизе² Ю. Веселовский впервые всесторонне ознакомил читателя с личностью и творчеством этого интересного художника. Он правильно увязывает мировоззрение Шах-Азиза с движением 60-ых годов, „Юсисапайлом“, Налбандяном и Назаряном. Чувствуется очень хорошая и детальная осведомленность Ю. Веселовского в жизни и деятельности Шах-Азиза. Довольно часты его ссылки на личные беседы с поэтом. Анализируя лирику Шах-Азиза, он дает подробный перечень затронутых писателем тем. В центре внимания нашего литературоведа поэма „Скорбь Леона“. Образ Леона раскрыт в связи с армянскими шестидесятниками. Ю. Веселовский подчеркивает, что в этом образе много автобиографического, а также черт, заимствованных у Налбандяна. Детально останавливается Ю. Веселовский на иностранных влияниях в поэме. Он пишет: „Скорбь Леона“ — одно из самых поздних отражений байронизма, какие только нам известны. В исследованиях, посвященных вопросу о влиянии Байрона на различные литературы, до сих пор никогда не затрагивалось творчество Шах-Азиза; между тем и в некоторых его мелких стихотворениях и особенно в его поэме определенно сказывается воздействие великого поэта, главным образом, его „Чайльд Гарольда“. Это воздействие выразилось и в чисто внешних приемах, в манере изложения, в той форме, которая придана поэме. Частые обращения к читателю и лирические отступления, вставные песни или стихотворения, будто-бы сложенные Леоном, чередование элегических, обличительных и шутливо-юмористических мотивов, описания красот природы, противопоставленные сетованиям о несовершенстве человеческого общежития, — все это не раз приводит нам на память поэмы Байрона“.³ В приведенном отрывке перечисляются почти все художественные компоненты поэмы и все они отнесены за счет Байрона. Становится непонятным, что-же национального находим мы в форме поэмы, что-же шах-азизовского в этой поэзии? Таким обра-

¹ Н. Я. Марр, „Ани“, Ереван, 1939, стр. 82.

² Армянский поэт Сибат Шах-Азиз, Москва, 1905 год.

³ Армянский поэт Сибат Шах-Азиз, Москва, 1905 год, стр. 23—24.

зом, анализ художественных особенностей „Скорби Леона“ подтверждает наш тезис о преувеличении у Веселовского литературных влияний за счет недооценки оригинальной силы армянской культуры.

Движению 60-ых годов в армянской действительности Юрий Веселовский уделил значительное внимание. Среди его работ по армянской журналистике выделяются статьи о „Юсисапайле“.¹ В своих оценках деятелей шестидесятых годов Ю. Веселовский пользуется, главным образом, монографией Лео о „Ст. Назаряне“. Вслед за Лео он недооценивает революционно-демократическую роль деятельности Налбандяна. Подобная недооценка революционности и демократизма шестидесятников была типичной для историко-культурной школы. Характеризуя Налбандяна, Ю. Веселовский писал: „Его убеждения сходились с основными взглядами Назарьянца, но проявлялись в более резкой, подчас запальчивой форме“.² Совершенно очевидно, что подобная характеристика различий во взглядах Назарьянца и Налбандяна, только по „форме“, в корне ошибочна.

Юрий Веселовский интересовался не только центральными проблемами армянской журналистики, но и такими вопросами, как история армянских педагогических журналов. Этой теме посвящает он специальную статью, в которой приводит свидетельства Раффи, Агаяна, Ширванзаде, С. Шах-Азиза о прискорбном положении педагогического дела среди армян.³ Он детально останавливается на освещении педагогических вопросов в журналах общего характера: Юсисапайл, Порц и специальных журналах: Дастиарак, Дпроц, Манкаваржакан терт, Варжаран и др.

Очерки о культурных гнездах носят у Веселовского полубеллетристический характер. Эти очерки написаны с подъемом, настроением и заражают своим лиризмом. Особенно удачен очерк „Байрон на острове св. Лазаря“. В этом очерке Веселовский рисует творческую работу поэта: „И вот Байрон один в своем рабочем кабинете. . . Окно открыто и через него врывается живительный морской воздух. Венеции не видать, — комната обращена как раз в противоположную сторону. Здесь можно вполне забыть о городской жизни и, имея перед собой чудное зрелище голубого моря, отдаться думам или погрузиться в занятия“.⁴

Ю. Веселовскому удалось очень ярко воссоздать образ самого поэта, его отношение к армянской культуре и в частности языку.

Несомненной заслугой в работе Ю. Веселовского было то, что он очень чутко реагировал на все новинки, на каком бы языке они ни

¹ См., напр., статью „Шестидесятые годы и армянский передовой журнал в Москве. Русская Мысль, 1903, кн. VI, стр. 42—64.

² „Шестидесятые годы и армянский передовой журнал в Москве“, сборник „Литературные очерки“, том II, М. 1910, стр. 146

³ Армянские педагогические журналы, архив Ю. Веселовского.

⁴ Литературные очерки, М. 1900 год

появлялись, в которых так или иначе затрагивались вопросы, относящиеся к Армении или ее культуре. Так, например, в своих статьях и рецензиях он знакомил русского читателя с романами об Армении на европейских языках.¹

Итак, мы пытались во второй главе нашей работы показать сильные и слабые стороны Юрия Веселовского—историка литературы и критика. К его сильным сторонам относятся: популяризация армянской литературы в русском обществе, широта и разнообразие тематики критических статей, постановка впервые в русском литературоведении ряда кардинальных вопросов армянской литературы.

Слабыми сторонами в его работе были неправильная трактовка историко-литературного процесса, преувеличение роли литературных влияний и т. д. Отмеченные недостатки не стирают исторического значения Ю. Веселовского, явившегося предшественником В. Брюсова и А. М. Горького в деле распространения армянской литературы, в деле сохранения литературного наследия армянского народа.

Глава III

Переводческая деятельность Ю. Веселовского развивалась параллельно историко-критической. Переводил он, главным образом, поэзию, но не обошел прозы и драматургии.

Из поэтов внимание Ю. Веселовского-переводчика привлекали С. Шах-Азиз, А. Цатурян, О. Ованнисян, Леренц, Р. Паткянян, О. Туманян, А. Исаакян и др.

Можно и должно говорить о том, что Ю. Веселовский был представителем и отчасти даже руководителем целой переводческой школы с определенными принципами подхода к тексту и приемами работы.

Основным принципом Ю. Веселовского-переводчика было подыскание для иностранного текста эквивалентов в русском языке. За границы русского языка, вернее за его традиционные каноны, он не осмеливался переступить. В этом отношении подлинного новаторства, которое было совершенно необходимо для создания достойных переводов из литературы, в области которой еще не откристаллизовалась переводческая традиция, такого подлинного, смелого новаторства мы у него не отмечаем. В своих теоретических высказываниях он относился отрицательно к попыткам передать в русском языке национальный колорит произведения. Так, напр., рецензируя антологию Брюсова „Поэзия Армении“, он вменяет переводчикам в вину в некоторых случаях слишком большую арменизацию текста (Саят-Нова напр.). Арменизация текста вызывает его недовольство и нападки. Рецензируя антологию и говоря о принципах перевода, он писал:

¹ См., напр., статью „Из армянских типов новой французской литературы“, „Армянский вестник“, 1916, №№ 20, 21 или „Английская повесть из армянской жизни“, „Армянский вестник“, 1916, № 27, и т. д.

„Некоторые частности и в этой области могут, конечно, вызывать возражения. Так, в иных случаях оставлены без перевода отдельные слова, которые почему-либо трудно было передать по-русски. Иногда, правда, это могло казаться неизбежным, так как вещи с определенно выраженным национальным колоритом или воспроизводящие народный быт, полны таких слов, для которых нелегко подобрать равнозначные в русском языке.“

Но предпочтительнее было-бы кое-что описать или передать приблизительно, — не вводя в русский текст таких выражений, которые должны объясняться в подстрочных примечаниях¹.

Сам Веселовский, работая над переводами из армянской литературы, всячески стремился подобрать равнозначные выражения, но в результате текст подвергался полной денационализации. Совершенно одинаково звучат у Веселовского собственные стихотворения и переводы с немецкого и переводы с армянского. Если такие переводы предложить даже самому искушенному читателю без обозначения автора, то он никогда не сможет сказать, с какого языка и даже из какой литературы взято данное произведение.

Современники очень хорошо отдавали себе отчет в этой отрицательной стороне переводов Веселовского. Так, напр., Евг. Л. (Евг. Ал-др Ляцкий — сотрудник „Русского богатства“, „Вестника Европы“ и других органов),² рецензируя сборник „Армянская муза“, писал:

„Переводы армянских стихотворений предложены многими современными русскими поэтами, среди которых встречаем г. г. Бальмонта, Бунина, Белоусова, Чюмину. Оттого ли, что среди оригиналов было немало таких, которые отличались подражательным характером, — но общее впечатление, производимое армянской музой в русских переводах, бледное, неколоритное. Трудно создать себе представление о тех чертах национального гения, который выразил бы яркую индивидуальность „армянской народной души“. Ни дыхания Востока в темпераменте плавно размеренных строчек, ни той оригинальности образов, которую можно подметить в безыскусственных переводах армянского народного творчества. Картинки природы, любовные мотивы, игра чувств и страстей — все это отчасти могло бы быть сочтено или оригинальными пьесами переводчиков или переводами с любого из европейских языков (Бальмонт, Белоусов, Чюмина, Бунин, Гриневская, Ю. Веселовский)“.³ Как мы видим, неколоритность переводов рецензент относит не только за счет Ю. Веселовского, но и за счет его сотрудников, группы переводчиков в целом.

Сделаем попытку проанализировать некоторые из переводов Веселовского. Прежде всего обратим наше внимание на его совместный перевод с А. Цатуряном комедии „Пэпо“.

Язык Сундукяна представляет исключительные трудности для пе-

¹ Вестник Европы, 1917 год, февраль.

² Ф. Масаков. Словарь псевдонимов, М. 1941, стр. 359.

³ Вестник Европы, 1907, март, № 3, стр. 355—356.

реводчика своим своеобразием, национальной колоритностью, диалектологическими особенностями. Переводчики очень хорошо отдавали себе отчет в этих затруднениях. Так, в предисловии к комедии Ю. Веселовский писал:

„Комедия „Пэпо“, как вообще все чисто бытовые произведения Сундукяна, тесно связана с особенностями той среды, которую она изображает, отличается обилием типических подробностей и бытовых черт, написана к тому же своеобразным и живым языком; заметим мимоходом, что этот местный колорит, этот оригинальный язык делают перевод „Пэпо“ необыкновенно трудным, подчас лишая переводчика возможности точно передать различные остроты и меткие выражения подлинника“.¹

Как же вышли из столь затруднительного положения Цатурян и Веселовский?

Они попытались воссоздать эту вещь в русском языке, тщательно подыскивая соответствующим эпитетам, сравнениям, идиоматическим выражениям Сундукяна русские эквиваленты.

Напр.:

Реплика Какули

текст Сундукяна

Ձե, ես նրան արտի հարիմ:

текст Цатуряна—Веселовского

Нет, я его должен отдубасить.

Или другой пример:

Реплика Энемии

текст Сундукяна

Դ՛ փռւնքը փրես ծրծաղի՞ն — սո՛ւ մտաք մի՞զը դառնամ աշխարհումը՛:

текст Цатуряна—Веселовского

Ты хочешь, чтобы все надо мною смеялись, чтобы я всем на зубок попала?

Таким образом, армянское идиоматическое выражение, которое звучит буквально следующим образом— „чтобы я стала пальцем меда на свете“,—заменено русским: „чтобы я всем на зубок попала“.

Если мы из перевода исключим армянские имена и фамилии, некоторые примечания или детали костюмов и обстановки, вроде: „стоит тахта, покрытая коврами, с длинным тюфяком, называемым „нагал“, и „мутаками“ (цилиндрообразными подушками)“,² то эта пьеса Сундукяна может сойти за произведение русской драматургии. Текст комедии целиком и полностью денационализирован, и русский чита-

¹ Пэпо, М. 1896, стр. 9.

² Там-же, стр. 14.

тель по этому переводу никакого впечатления о колоритности и национальных особенностях пьесы Сундукяна составить себе не сможет.

Именно это явилось, повидимому, причиной, почему Горький, публикуя в 1916 году свой „Сборник армянской литературы“, отказался переиздать в нем готовый перевод Цатуряна—Веселовского, а принял вместе с Теряном эту работу заново. Горькому в значительной мере удалось преодолеть язык Сундукяна. Он не побоялся целого ряда буквальных переводов. Как и Брюсов в Антологии армянской поэзии, Горький выступает смелым новатором, подчиняя русский язык задачам и требованиям переводимого текста. Как редактор и переводчик армянской литературы, он ставил перед собой задачу прежде всего—сохранение национального колорита вещи, национальных особенностей и строя языка. Редактируя перевод Теряна, он все время, последовательно, шаг за шагом сохраняет в неприкосновенности язык и идиоматические выражения Сундукяна. Он пытается подыскать не эквиваленты в русском языке, а переводы, которые сохранили бы всю красочность и своеобразие языка комедии. Попытаемся проследить перевод идиоматических выражений у Теряна—Горького и у Ю. Веселовского.

Вот, например:

Реплика Шушан

текст Сундукяна

Արար, աճկիտ լուրը խօսի՞ս կանախ հանի. սաղ դիշիր, շուք բանե,
չիս օտը ու ջեր դուրդի եր ծեքը. վուր էլի լանի նստեցար:

*текст Теряна*¹

Ведь не можешь же ты лишиться зрения (букв. Не можешь же ты вынуть свет из глаз своих!), кажись уже всю ночь не спала и еще где был рассвет, когда ты уж снова села за работу.¹

текст, отредактированный Горьким

Не можешь же ты вынуть свет из глаз своих! Вспомни, ты ночь не спала и еще где был рассвет, когда ты снова села за работу.²

текст в переводе Веселовского—Цатуряна

Да нельзя же тебе ослепнуть из-за этого! Почти всю ночь ты не спала, и еще не рассвело, когда ты снова села за работу.³

или другой пример:

¹ Рукопись перевода „Пэпо“, архив В. Теряна.

² Там же.

³ Пэпо, перевод с армянского А. Цатуряна и Ю. Веселовского, М. 1896 год стр. 16.

*Реплика Шушак:**текст Сундукяна*

Այ կու տեսնիր թէ չէ (լացի ձայնով): Կ'ենամ, առջիւր կուշտ քիւ.
լաց կու'լիմ, իր վուրթիւրանց արեւ սաղաղա գ'ուզիմ...

текст Теряна:

Вот увидишь, если не так (плачущим голосом), пойду, стану перед ним на колени, поплачу, пожелаю солнца его детям (жизни, многолетия)...¹

текст, отредактированный Горьким:

Вот увидишь, если не так (плачущим голосом), пойду, стану перед ним на колени, поплачу, ради солнца его детей...²

текст в переводе Веселовского—Цатуряна

А вот увидишь! (плача) Пойду, стану на колени перед ним, буду плакать, заклинать его именем детей...³

Обратимся к поэтическим переводам Ю. Веселовского. Из поэтических переводов одними из наиболее удачных являются переводы из Шах-Азиза.

Из Шах-Азиза Ю. Веселовский перевел довольно много стихотворений: „Повесть любви“, „Да здравствует святой труд“, „С тех пор, как образ твой“, „Пронеситесь, тяжелые, грустные дни“ и др., а также в отрывках переведена поэма „Скорь Леона“. Можно только пожалеть, что это интересное произведение не дошло до русского читателя в целом, тем более, что отрывки были избраны переводчиком произвольно и не всегда удачно.

Одним из хороших переводов из Шах-Азиза является перевод стихотворения „Сон“. В этом переводе Ю. Веселовскому удалось воплотить лиризм Шах-Азиза, его глубину и вместе с тем остаться очень близким к тексту.

Сопоставление оригинала с переводом убеждает нас, что текст оригинала сохранен без изменений.

Может быть переводческая удача Веселовского в данном случае объясняется тем, что Шах-Азиз сам был очень близок к русской культуре и в его языке можно встретить даже отдельные русские слова, как, напр., салоп, бурнус и т. д. (Введение к поэме „Скорь Леона“).

Не все поэтические переводы из Шах-Азиза одиноково удачны. Так, в некоторых случаях Веселовский отклоняется от оригинала, искажая замысел поэта. Для примера остановимся на стихотворении „Повесть любви“. Первое четверостишие у Шах-Азиза звучит следующим образом:

¹ Рукопись Пэпо, перевод Теряна.

² Там же.

³ Пэпо, перевод с армянского А. Цатуряна и Ю. Веселовского, М. 1896 г. стр. 16.

Եւ սոսուս էր, ժպտալով,
 Կուրծքս վերս իմ ձեռք
 Եւ խիստ աղնիվ դարձա՞մս |
 Պատուս էր. ի՞նչ է սերք:

В переводе Веселовского:

„Она к груди прижала вновь
 Мою трепещущую руку
 И говорила... про любовь,
 Про чувство нежное и муку...“

Слово „вновь“ взято переводчиком очевидно из чисто формальных соображений, для рифмы со словом любовь; в оригинале его нет. Это как-будто и незначительное изменение искажает авторский замысел. У Шах-Азиза — девушка с улыбкой прижала руку возлюбленного к своей груди и рассказывает ему про любовь. Возможно, что это первая встреча, в переводе же Веселовского искажается поэтический облик возлюбленной словом „вновь“; создается впечатление, что свою ласку, нежный жест она повторяла неоднократно, что, повидимому, вовсе не соответствует замыслу Шах-Азиза.

В своих переводах, в частности переводах из Шах-Азиза, Ю. Веселовский пользуется поэтическими штампами, трафаретами вроде:

„Волнует дух пыливый твой“

или

„Тебе свой труд я посвятил“. (К читателю. Из поэмы „Скорь Леона“).

Это, естественно, очень снижает художественные достоинства его переводов.

В поэтических переводах Веселовского происходит такая же денационализация текста, как и в драматических. В этом отношении очень интересен перевод стихотворения Додохяна „Цицерпак“. Стихотворение это привлекло внимание очень многих поэтов. Мы встречаем его в переводах: Брюсова, Веселовского, Шарти, Ник. Реулло и Сергея Зарова.

Наиболее удачным является, бесспорно, перевод В. Брюсова. Он очень близок к оригиналу. Брюсову удалось передать ритм Додохяна. И у Додохяна и у Брюсова стихотворение написано двухстопным анапестом.

У Ю. Веселовского перевод сделан четырехстопным хореем в чередовании с трехстопным.

Также, как и Ю. Веселовский, очень далеки в своих размерах от оригинала остальные переводчики.

В переводе Шарти „Цицерпак“ написан четырехстопным анапестом, в переводе Н. Реулло и Сергея Зарова вольным размером.

Самое отрицательное в переводе Ю. Веселовского это то, что,

если исключить из стихотворения слово „Аштарак“, оно может быть приписано и Кольцову и Некрасову и любому другому русскому поэту, в переводе же Брюсова читатель никогда не ошибется и сразу отнесет это произведение к армянской поэзии.

Из лучших переводов Ю. Веселовского следует отметить перевод стихотворения Р. Патканяна „Слезы Аракса“. Этот перевод неоднократно перепечатывался: в периодике, в виде отдельного листка и в сборниках.¹

Перевод ритмически близок к оригиналу. Ю. Веселовскому удалось передать авторское настроение и художественные особенности Патканяна.

Много переводил Ю. Веселовский из А. Цатуряна. Благодаря его переводам русский читатель познакомился с такими стихотворениями Цатуряна, как: „Печальная повесть“, „Песня и металл“, „В ее альбом“, „Две ночи“, „Поэту“ и т. д.

Однако не все переводы из Цатуряна одинаково хороши. Наиболее удачным в этом цикле является перевод стихотворения „Песня и металл“. Значительно слабее перевод стихотворения „Поэту“. Это стихотворение—яркая полемика с апологетами чистого искусства, защита искусства, служащего народу. Цатурян все время подчеркивает, что только тот поэт получит право на всеобщую любовь и признание, который сумеет жить жизнью народа.

Перевод Ю. Веселовского неудачен потому, что эта основная мысль Цатуряна искажена. В отдельных строфах русского текста звучит „презрение к толпе“, напр.:

„Поэт! Не для нея—чарующая лира,
Восторженной души не ясен ей порыв“,

причем Веселовский эти строки приводит не полемически, а как авторское утверждение.

Сопоставим оба текста:

У Цатуряна:

Բնօրինակը անհասկանալի է, բայց ինչպես հասկանալի
հարցադրույթ տալիս են, երբ թվեր առած,
'Ինչ արդյունք ապրում էս ամպերի վերա,
Կյանքից անջատված, եթե գործած՝

В переводе Ю. Веселовского:

„Поэт! Не для нея—чарующая лира,
Восторженной души не ясен ей порыв...
В заоблачных мирах, среди чистого эфира
Витаешь ты, о жизни позабыв!...“²

¹ Армянская муза, 1907, Поэзия Армении, 1916; Антология Армянской поэзии, 1940.

² Ա. Մատթարյան, Հնարք բանաստեղծությանը, Երևան, 1937, էջ 82.

³ Армянская муза. М. 1907, стр. 110—111.

Приводимые два четверостишия подтверждают нашу мысль о том, что переводчик, повидимому, не додумал основных мыслей Цатуряна, не прочувствовал до конца его настроения, и потому перевод получился сбивчивый и противоречивый. От перевода Веселовского может создаться в отдельных случаях впечатление, что поэт не виновен в отрыве от жизни, в том, что он витает в эмпиреях, что как раз противоречит основной мысли Цатуряна.

Вокруг Ю. Веселовского очень скоро образовалась целая школа поэтов-переводчиков. Это были Д. Пагирев, Л. Уманец, Эллис, Шуф, С. Головачевский, О. Чюмина, И. Гриневская, Иван-да-Марья и др. Несколько особняком стоит Бальмонт. Интересы Бальмонта к литературам Закавказья выходили за пределы армянской литературы. Его перу принадлежит один из первых переводов на русский язык знаменитой поэмы Шота Руставели „Витязь в тигровой шкуре“. Как переводчик, Бальмонт легко сближается с Жуковским. Как и для Жуковского, для Бальмонта оригинал является очень часто только канвою, по которой он расцвечивает узоры своей фантазии. Так, напр., „Витязь в тигровой шкуре“ очень далек от оригинала и в русском тексте в нем столько же бальмонтовского, сколько и Руставели.

То же наблюдаем мы и в переводах Бальмонта из армянской литературы; достаточно остановить наше внимание на переводе стихотворения Цатуряна „Ручей“. Перевод Бальмонта так далек от оригинала, что правильнее было бы сделать подзаголовок: „на мотивы Цатуряна“. Само по себе это очень яркое, с большим мастерством написанное стихотворение. В переводе не соответствует даже количество четверостиший. Одно четверостишие просто пропущено. Первые два четверостишия совпадают с оригиналом, третье же и четвертое—оригинальное произведение Бальмонта. В переводе Бальмонт сохраняет свои особенности стиха. Так, он широко пользуется аллитерациями: прозрачный—журчащий, блеснешь—плеснешь, жизнерадостный—сладостный. Подобные сочетания широко распространены и в других его стихах.

Сравнительно ближе к оригиналу перевод „Ахтамар“ Туманяна, опубликованный в том же сборнике „Армянская муза“. Однако и в этой вещи передать колоритность Туманяна и его особенности Бальмонту не удалось.

Довольно много переводил из армянской литературы Л. Уманец. Работал он в тесном сотрудничестве с Ю. Веселовским. Переводил он Патканяна, С. Шах-Азиза, О. Ованнисяна, Цатуряна, Туманяна и др. О его переводах можно было бы примерно повторить то, что было сказано уже выше о переводах Ю. Веселовского, в частности и у Л. Уманца текст в значительной мере денационализирован и может быть приписан любой литературе.

Эллис переводил, главным образом, Аветика Исаакяна. Его перу принадлежат переводы таких стихотворений, как: „На крылах орлиных“, „Была душа моя мрачна“, „Ночной порою сон“. Переводы Эл-

лиса могут создать только очень приблизительное впечатление о замечательной лире Исаакяна.

У Веселовского и переводчиков его круга поражает штампованность стиха, неумение передать типические особенности данного автора. И Патканян и Туманян и Исаакян в сборнике „Армянская муза“ все звучат на один лад, на один манер, все причесаны под одну гребенку.

Мы не имеем возможности здесь останавливаться на всех переводах и всех переводчиках, работавших вместе с Веселовским. Нам важно отметить, что в своих принципах они были очень близки, поэтому и переводы их отличаются общими достоинствами и недостатками.

Из прозаиков Ю. Веселовский переводил Перч Прошяна, Раффи, а также прозу Патканяна и Шах-Азиза. Качество прозаических переводов также, как и остальных ранее нами рассмотренных, находится в тесной зависимости от особенностей оригинала. Если оригинал написан литературным языком, то перевод сравнительно удачен, если же он написан на одном из диалектов, то это, естественно, представляет для переводчика большие затруднения и, мы бы даже сказали, для Юрия Веселовского непреодолимые затруднения.

В этом плане интересно сопоставить переводы из Раффи и из Прошяна. Текстологический анализ главы XII „Рассуждения Аслана“ из романа „Искры“ убеждает нас, что перевод этот сравнительно удачен.

Литературный язык Раффи, повидимому, легко доступен переводчику. К недостаткам перевода следует отнести пропуск отдельных эпитетов, крылатых словечек. Так, напр., характеризуя духовенство, Раффи выражает свою иронию и сарказм одним словом «*երկրորդական*», в переводе оно опущено, так же как пропущен целый ряд абзацев, имеющих принципиально политическое и художественное значение.¹

С переводом из Прошяна обстоит значительно сложнее. Тут невольно придется повторить многое из того, что было сказано по поводу перевода „Пэпо“ Сундукяна.

Аштаракский диалект, которым написан роман „Из-за хлеба“, очень труден для перевода на русский язык. В отрывках, переведенных Юрием Веселовским, ощущается недостаточное знание переводчиком всех особенностей и тонкостей этого диалекта. Перевод совершенно денационализирован. В главе VI „Масленица и башикертма“,² не справившись в отдельных случаях с текстом, переводчик сбивается на конспективное изложение содержания.³ В других местах он

¹ Отсутствие рукописи перевода не позволяет нам судить, следует ли эти купюры отнести за счет переводчика или за счет цензуры.

² Армянские беллетристики, стр. 56—67.

³ Напр., на 64 стр.

допускает совершенно произвольные сокращения.¹ Армянским идиоматическим выражениям, пословицам и поговоркам подыскиваются русские соответствия, которые не отражают и не воспроизводят национального колорита вещи.

Напр., текст *Просяна*:

«Մեր գլխի, մեր աչքը դրա ան ունի ձեր խանր, մենք վաղուց նրա համար տեղ ուր պատրաստել տանուտերի այվանի կտերը, սուփրին չար, դաթա-հալին զիրիլի պես. հաղար մարդով էլ որ դա, մեզանից ոչինչ չի պակսիլ»²

текст в переводе Ю. Веселовского:

„Очень охотно, с удовольствием! Ваш хан будет нам самым желанным гостем и если бы он даже тысячи человек привел с собою, мы и то нашли бы достаточно печений и лакомств для него и его свиты“.³

Не трудно было бы для переводчика сохранить звуковые особенности оригинала; так, напр., Просян вкладывает в уста погоняющих осла следующие восклицания:

Չու, չու, ոչ, չչոչ,⁴ (чу, чу, ош, чош).

Эти восклицания Ю. Веселовский заменяет словами: „Ну вперед“.⁵

В переводе дает себя чувствовать недостаточное знакомство Ю. Веселовского с деталями быта, обстановки, всего материального мира армянской деревни. Этим легко объясняются неудачные попытки в переводе названий отдельных вещей. Так, напр., „*մի շար ալանի*“⁶ переводится: „венки из сушеных плодов“.⁷

Параллельно армянскую прозу переводили также: Е. Некрасова Минас Берберян, М. Кананова, А. Богданян, Ю. Суренянц и многие другие. В своих переводах они были очень близки к Ю. Веселовскому.

Попытаемся подвести некоторые итоги деятельности Ю. Веселовского, как переводчика. Очень большое, положительное значение этой деятельности заключается в том, что Ю. Веселовский впервые ознакомил русского читателя с различными образцами,—поэтическими, прозаическими и драматургическими,—армянской литературы. Благодаря его трудам, последующим переводчикам и редакторам армянской литературы, как, напр., Брюсову и Горькому, удалось избежать многих ляпсусов и ошибок.

Однако, в переводах Ю. Веселовского и его школы много недо-

¹ напр. на 65 стр.

² Գ. Չոչոյան, Երկեր, հատոր առաջին, Երևան, 1939, էջ 55.

³ Армянские беллетристы, стр. 60.

⁴ Там-же, стр. 57.

⁵ Там-же, стр. 61.

⁶ Там-же, стр. 55.

⁷ Там-же, стр. 60.

статков. Это, во-первых, неумение передать национальный колорит произведения, во-вторых, очень частые отклонения от оригинала, которые трудно чем либо мотивировать, в-третьих, искажение в отдельных случаях авторского замысла, и, наконец, недостаточное знакомство с жизнью и бытом того народа, с произведениями которого должны переводчики знакомить русского читателя.

Тем не менее, все эти недочеты, как бы серьезны они ни были, нисколько не умаляют очень большого популяризаторского значения переводческой деятельности Ю. Веселовского, той роли, которую сыграли эти переводы в утверждении культурной дружбы армянского и русского народов.